

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ) / LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.53.27>

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ВЫРАЖЕНИЯ НЕГАТИВНОЙ ЭМОТИВНОСТИ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ БУРЯТСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СЕМАНТИКОЙ «ГНЕВАТЬСЯ»)

Научная статья

Цыренов Б.Д.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-8928-3232;

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (tsyrenovbabasan[at]mail.ru)

Аннотация

Данная работа посвящена описанию форм и способов выражения эмоции гнева в бурятском языке. Здесь рассматриваются глагольные фразеологизмы бурятского языка со значением гнева, которые выражают данную эмоцию в предельных ее проявлениях. Предельность в выражении эмоции, особенно эмоции гнева, ярче всего проявляется именно в устойчивых сочетаниях, к которым относятся фразеологизмы. В разных обстоятельствах гнев выражается вовне или направлена внутрь, скрыта, подавлена. Такие способы нами названы как взрывные и импловивные. Анализ примеров из художественной литературы и разговорной речи показал, что в бурятском языке больше всего взрывных фразеологизмов. Данный факт обусловлен природой эмоции.

Ключевые слова: эмоция, гнев, бурятский язык, фразеологизмы, взрыв, импловия.

LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL UNIQUENESS OF NEGATIVE EMOTIONALITY EXPRESSION IN MONGOLIAN LANGUAGES (ON THE EXAMPLE OF BURYAT VERB PHRASEOLOGICAL PHRASES WITH SEMANTICS "TO BE FURIOUS")

Research article

Tsyrenov B.D.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-8928-3232;

¹ Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

* Corresponding author (tsyrenovbabasan[at]mail.ru)

Abstract

This work is dedicated to the description of forms and ways of expressing the emotion of anger in the Buryat language. Here verb phraseological expressions of the Buryat language with the meaning of anger, which express this emotion in its extreme manifestations, are examined. The extremity in expressing an emotion, especially the emotion of anger, is most vividly manifested in the stable combinations to which phraseological phrases belong. In different circumstances, anger is expressed outwardly or directed inwardly, hidden, suppressed. We named such ways as explosive and implosive. The analysis of examples from fiction and colloquial speech has shown that the Buryat language has the greatest number of explosive phraseological expressions. This fact is caused by the nature of emotion.

Keywords: emotion, anger, Buryat language, phraseological phrases, explosion, implosion.

Введение

Исследование эмотивности в языках представляет большой интерес с точки зрения отражения внутреннего мира человека вербально. Эмоции, являющиеся базовыми реакциями человека на окружающий мир, его субъекты и объекты, появились хронологически даже раньше, чем речь. С появлением речи они стали выражаться конкретными словами. Дальнейшее развитие способов вербального выражения выливались в устойчивые сочетания, фразеологизмы, которые становятся еще более экспрессивными средствами, они хранятся в памяти человека и всегда готовы к применению.

В работе применяется преимущественно метод компонентного анализа как составляющая более общего в лингвистике описательного метода.

Лексико-фразеологическое своеобразие выражения

В бурятском фонде фразеологизмов, выражающих эмоции гнева (негодования, злости), также достаточно много. В силу целевой направленности данной работы мы не проводили каких-то статистических подсчетов, суть работы не в количественных, а качественных характеристиках бурятских фразеологизмов, номинирующих гнев. Многие в номинации гнева зависят от внутренней формы фразеологизма. «Внутренняя форма выступает во фразеологизме как способ организации его значения, а мотивирует значение фразеологизма именно образ, лежащий в основе номинации, и все составляющие этого образа» [6, С. 64]. Действительно, в этой области фразеологизмов многое зависит именно от содержания, составляющего фразеологизм, образа заложенного в него. Именно с образом, формой связана в большей

степени экспрессия, уровень выражения эмоции. «Внутренняя форма идиом связана непосредственно с порождением фразеологических единиц, с мотивацией фразеологического значения. <...> Мотивация идиоматического значения осуществляется не значениями компонентов при их переосмыслении, а всем образом, «картинкой» целостной ситуации реальной действительности, которая лежит в основе семантики идиомы. <...> Именно внутренняя форма фразеологизма, понимаемая как образ (образное основание), а не значения слов-компонентов, определяет особенности современного значения той или иной идиомы» [6, С. 57–58].

Прежде чем приступить непосредственно к анализу форм и содержания данной категории фразеологизмов бурятского языка, отметим, что при номинации какой-либо эмоции чаще всего употребляются ярко экспрессивные фразеологизмы, которые можно охарактеризовать как *эксплозивные*, когда эмоция вырывается, практически взрывается, т.е. она эксплицитна, отсюда и примененное нами определение. Другая сторона – *импловивные* (1), когда эмоция скрыта, переживается, удерживается внутри, иными словами она имплицитна.

Эксплозивность, или взрывной характер прежде всего заложен в семантике компонента фразеологизма: *тэһэрхэ* – 1) взрываться, разрываться (о бомбе); 2) трескаться, лопаться [3, С. 281]. Большею частью в данной ситуации употребляется его форма интенсива *тэһэршэхэ* – интенс. от *тэһэрхэ* треснуть, лопнуть; взорваться [3], что еще больше усиливает экспрессию. Краткая форма *тэһэ*, выступающая в качестве усилительной частицы при глаголах чаще всего употребляется с глаголом *бууха* «спускаться, сходить, слезать; идти книзу, понижаться» [3, С. 159] в значении «достичь предела», образуя устойчивое сочетание, близкое по своим функциям к фразеологизмам.

Рассмотрим сказанное выше на конкретных примерах (2).

Заяханай досоо тэсэнгүй тэһэршэбэ (Ц.-Д. Хамаев) «В душе Заяхана [что-то] неудержимо взорвалось». В этом примере финитный глагол *тэһэршэбэ* при одином употреблении уже выражает крайнюю степень гнева, эмоции, которая одолевает субъекта Заяхана. Эмоция остается у него внутри, в его сердце, душе.

Следует отметить, что сочетание *тэһэ бууха* часто употребляется с основным глаголом, который несет в себе значение «готовности, намерения» – *алдаха* «чуть было», *һанаха* «намереваться, но не исполнить» действие, выраженное сочетанием. В данных контекстах *тэһэ бууха* буквально означает «лопнуть, взорваться».

Тэһэ буухаа һанахадаа, түрүүлэгшэдэ гар хүрэгжэ шууя татахаһаа урид гарашаба (Д. Эрдынеев) Когда был готов лопнуть (взорваться), выбежал, чтобы, ударив председателя, не вызвать шума гаму.

Наһан үбгэн, минии эсэгэ, эртэ үншэрһэн юм, – гээд, Ошорхайн зөөригэ алдаһандаа харанхалжа, уур сухалдаа тэһэ буухая байһанай шэнжэсгүйгөөр хөөрэгжэ эхилхэдэнь, бэшиһинь зөөрингөө обто дшилдэжэ, хэрүүл татаагүйень гайхан, ямар удхатай мэхэ эхилһыень тааха һанаатай шагнажа захалба (Д. Эрдынеев) «Старость, мой отец рано умер, – сказал Ошорхай, про которого не скажешь, что он готов лопнуть от злости из-за потери имущества, остальные с удивлением терялись в догадках, какую же хитрость он придумал, если не стал затевать скандал по потере добра».

Часто в сочетании с *тэһэ* употребляется глагол *һүрэхэ*, основное значение которого «прыгать, скакать, подпрыгивать, спрыгивать». Но в этом сочетании он выступает в качестве усилительного послеложного компонента, показывающего интенсивность совершения действия основного глагола *тэһэ*. В таком случае последний «возвращается» из стана усилительных частиц к своему знаменательному статусу. Итак, *тэһэ һүрэхэ* получает общее значение «взорваться, лопнуть, разверзнуться». При этом это устойчивое сочетание также употребляется с дополнительным глаголом *алдаха* «чуть не..., быть готовым»:

Намжал тэһэршэн алдаһашье, шадал соогоо бээ барига, саашань үргэлжэлбэ (К. Цыденов) «Намжал чуть не взорвался, но изо всех сил сдержался и продолжил».

Тиигээд хажуудаа уухилан, сухалдаа тэһэ һүрэн алдажа байһан Дабаевай дала мүр дээрэ гараа табижа, – хүлисэ, Хуаагаа ондоо хүндэ унуулха аргамнигүй! – гэбэ. «Извини, никак не могу дать кому-либо еще оседлать моего Хуа! – сказал он и положил руку на плечо готового взорваться от злости и тяжело дышащего Дабаева».

Очень часто при таких фразеологизмах эксплицитно присутствует существительное *сухал* «злость, злоба» или глаголы *сухалдаха*, *уурлаха* «злиться, сердиться», как, например, в предыдущем и следующих примерах:

Нэгэтэ Василий Иванович университетэй коридор соо айхабтар сухалтай, тэһэршэн алдажа ябаба (Ч. Цыдендамбаев) «Однажды Василий Иванович шел исключительно злой по университетскому коридору, готовый взорваться».

Хүгжэмшэд, дуушадай ажабайдал тушаа элдэб эсын хоб жэб, ябаган зугаа дуулахадаа Тамара үнэнхэ зүрхэнһөө дураа гутадаг, хаа-яа Ринчинэй үг-маг хэлээд, ёгтолоод абахада анир хаташадаг, заримдаа уур сухалһаа тэһэршэн алдадаг һэн (С. Цырендоржиев) «Когда слышит байки и слухи о жизни певцов и танцоров Тамир со всего сердца негодует, и, когда Ринчин намеками подшучивает над этим, замолкает, а иногда чуть не лопается от злости».

Гомбо-Доржо тэһэрхээ һанатараа уурлан, туһалагыһындаа гэмтэй байһандал, тэрээндээ һэлмээ далагашуулжа... (Б. Санжин, Б. Дандарон) «Гомбо-Доржо, злясь до состояния взрыва, замахнулся на своего помощника, будто он был виноват».

В разговорной речи встречаются выражения *хахарха шуураха* «лопаться, трескаться; взрываться», *хахаран шууран алдаха* «чуть не треснуть», образованное сочетанием глаголов *хахарха* «раскалываться, трескаться, ломаться; рваться, разрываться» [3, С. 415], *шуураха* «1) рваться, разрываться (о ткани, бумаге). 2) ломаться (о льде)» [3, С. 624] и *алдаха* в значении «чуть не ...». Первое выражение описывает проявившийся гнев, а второе, следуя ведущему слову *алдаха* «чуть не ...», – предельную степень, когда гнев чуть не вырвался из субъекта в вербальном или ином виде:

Һамганиһинь, тугаарай ороходом, хахаржа шууража байна һэн «Когда я недавно заходил, его жена взрывалась (букв. была в состоянии взрыва)».

Ноён дарга мүнгөө дутаагаад, хахаран шууран алдажа байгаа «Начальник растратил деньги и готов был взорваться / треснуть / лопнуть».

Как видно из приведенных выше примеров, крайнюю степень проявления гнева в большинстве случаев выражается при помощи глагола *тэһэрхэ* «лопнуть, взорваться» как в качестве знаменательного глагола, так и в качестве усилительной частицы. Если это состояние не вышло наружу, вовне, то в составе устойчивого выражения появляются глаголы *алдаха* в значении «чуть не..., едва», *hanaха* «намереваться, быть готовым».

Переходя к импловивным по характеру фразеологизмам, отметим, что их употребительность в художественной литературе, откуда извлечено большинство примеров, невысокая. Но в разговорной речи, в быту такие выражения довольно популярны. Такие примеры мы также приведем в конце анализа литературных примеров. В имплицитном выражении посредством устойчивых выражений и фразеологизмов эмоции «гневаться» часто употребляются наречия *бүтүү* «молча, беззвучно, внутри или про себя» и *зосоогоо / досоогоо* «про себя».

Рассмотрим несколько примеров из художественной литературы.

Эдэ шэрүүн үгэнүүдые дуулахадаа, зосоогоо бүтүүрэн Цэнгуев һуубашье, энэсэгээнэ (Ж. Тумунов) «Услышав эти жесткие слова, Цынгуев сидит, посмеиваясь, хотя внутри себя злится (букв. заглушив в себе)».

– *Тиигээ һаа намда үгээ үгэ, – гэжэ Тая зорёолно.*

– *Юун гээд?*

– *Бүтүү сухалдаад ябахая болёоб гэжэ.*

– *Тангаригланаб!* (Д-Д. Дугаров);

«– Тогда дай мне слово, – подначивает Тая

– О чем?

– Что не будешь тихо злиться.

– Клянусь».

Здесь собеседник едва может удерживать в себе злость: *багтаажа ядан*, буквально «едва вмещающая в себе (букв. своем нутре)»:

Поп галзуурһан юм шэнги, уур сухалаа зосоогоо багтаажа ядан, Гавриил тээшэ хургаяа ээлжээ эхигүйгөөр ёдолзуулан байжа:

– *Шинии хэн байһые дары мэдэхэб.* (Х. Намсараев)

«Поп словно озверел, кое-как сдерживая злость в себе, беспорядочно потрясает пальце в сторону Гавриила:

– Я быстро узнаю, кто ты!».

Гнев можно и придавливать, в значении «сдерживать» или придержать про себя:

– *Асуухада болоно, – гэжэ Маншууд сухалаа даран хэлэбэ* (М. Осодоев). «Можно спрашивать, – сказал Маншуд, подавляя гнев».

Бүхы балсангуудаараа шэшэржэ, Шоён сухалаа арайл барижа, абяагүй зогсобо (А. Ангархаев) «Шоён, дрожа всеми мышцами и еле сдерживая свой гнев, простоял молча».

Гнев также можно спрятать, скрыть от других:

Балма орожо ерэнэ, Бимба залд гээд, сухалаа нюуна (Г. Цыденжапов) «Вошла Балма, Бимба вздрогнул, но спрятал свой гнев».

(1) Имплозия (англ. *implosion*) — это взрыв, но направленный не наружу, как это обычно происходит, а внутрь.

(2) Здесь и далее примеры из Корпуса бурятского языка – [11].

Обсуждение

Как пишут исследователи, «Категория эмотивности является сложным и многоаспектным феноменом» [7, С. 237], для исследования которой методологическим является положение о том, что действительность отражается в языке в таких формах, которые соотносятся с логическим и чувственным познанием мира [7]. Данная категория относится к языку, а категория эмоций – психологии. «На языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность, эмоции психологическая категория, эмотивность – языковая» [8, С. 13]. Эмоция, выраженная вербально (посредством слов, отдельных значений какого-либо конкретного слова, интонационно, специально перестроенной синтаксической конструкцией и т.д.), становится объектом исследования лингвистики (когнитивной, психолингвистики и других смежных или близких дисциплин).

Способы вербального выражения эмоций разнообразны: слова, интонация, построение синтаксических конструкций (экспрессивная инверсия, эмфатическое членение и т.д.), устойчивые выражения и фразеологизмы. В выражении эмоций также участвуют цитации и паремические единицы, хотя они и менее частотны. Естественно, что центральное положение прежде всего занимают лексические средства – слова. «Авторы лексикоцентрических теорий эмотивности признают словарные единицы основным экспонентом эмоций и относят к эмотивному фонду классы лексем» [8, С. 238]. С этим тезисом трудно не согласиться, поскольку слово среди других «экспонентов» является наиболее простым и, если можно так выразиться, доступным средством для человека выражения своих чувств относительно других объектов действительности, в том числе другого человека.

Вторым по доступности, хранящимся в памяти человека в готовом виде средством являются фразеологизмы (без деления на классы). Они чаще всего выступают не непосредственными выразителями эмоций, а как средство описания эмоций у третьих лиц. «Механизмы языкового выражения эмоций говорящего и языкового обозначения, интерпретации эмоций как объективной сущности говорящего и слушающего принципиально различны» [1, С. 11]. Л. Г. Бабенко в данном случае рассматривает два субъекта – выразителя эмоции и реципиента эмоции, т.е. слушающего или объекта, на который направлена эта эмоция. Но есть и еще третий субъект в этом процессе – третье лицо, которое может описать вербально (и не вербально) выраженную эмоцию. Этот субъект можно назвать *дескриптором* эмоции, передающим эмоции первого субъекта относительно какого-либо предмета в самом общем понимании этой категории.

Эмоция, выразившаяся в эмотивности говорящего или действующего лица, может быть описана как нейтрально: *Он сердится. Она ругается / кричит на него* и т.п., но она может быть передана, в свою очередь, тоже экспрессивно, с эмоциями. В последнем случае, предполагается употребление приставок, различных усилительных слов – наречий,

частиц, способ редупликации, экспрессивного повтора: *рас-* (раскричался), *из-* (издергался, разг.), *очень*, *сильно*, *весьма* и т.п. Но одним из отличных в этом плане средств являются устойчивые выражения и фразеологизмы. «Одним из способов языковой репрезентации эмоций являются фразеологические единицы, входящие в единую лексикофразеологическую систему языка» [4, С. 3]. Они помогают дескриптору «в красках» передать эмоцию, выражению которой он стал свидетелем. Этот фактор становится неким дополнительным усилителем (а может и сглаживателем) той эмоции, зачастую, в зависимости от эмоционального фона, настроения, в конце концов, фантазии дескриптора может принимать и другую окраску или другой уровень выражения эмоции, иной уровень дескрипции.

Н. Н. Волкова в русской фразеологии выделяет четыре группы фразеологизмов, номинирующих разные типы эмоций: позитивные, нейтральные, негативные и неопределенные [4]. При это она указывает, что в русском языке фразеологизмов, «номинирующих негативные эмоции, значительно больше, чем фразеологизмов, номинирующих положительные либо нейтральные эмоции (всего их выявлено 309). Наиболее объемны микрогруппы гнев (включая его разновидности – возмущение (негодование), ярость) – 67 фразеологических единиц; страх (включая боязнь, испуг, ужас) – 41; душевная боль (страдание) – 37» [4, С. 8]. По нашим расчетам количественных данных, представленных Н. Н. Волковой, они составляют более 57% от всего эмотивного фразеологического фонда русского языка. Примерно такое же соотношение ($\pm 5\%$), как нам кажется, эмотивных фразеологизмов, номинирующих негативные эмоции, характерно и для других языков, поскольку эти эмоции и их выражение относятся к общечеловеческим феноменам. «Категория эмотивности интегральна, что находит проявление в языке представителей различных культурных, гендерных, конфессиональных, возрастных групп; характеризуется ее облигаторностью во всех языках и на всех их уровнях (в единицах фонетического, лексико-фразеологического, морфологического, синтаксического уровней, словообразовательного подуровня; в стилистике речи; сверхфразовых, текстовых, гипер-, мега-, межтекстовых единицах)» [9]. Значительное превалирование эмотивных фразеологизмов негативной шкалы чувств человека, по нашему мнению, не говорит о том, что эта эмоция преобладает в жизни человека. Это всего лишь свидетельство того, что человек часто должен бороться или быть готовым побороться за себя, свое имущество, т.е. быть готовым отразить внешнее воздействие. Защитная реакция (в том числе и гнев как реакция) предполагает наличие и большого количества инструментов противодействия.

«Гнев – эмоциональное состояние, отрицательное по знаку, как правило, протекающее в форме аффекта и вызываемое внезапным возникновением серьезного препятствия на пути удовлетворения исключительно важной для субъекта потребности» (3). Да, в значительной части эта эмоция – это реакция на внешнее воздействие, внешний раздражитель, она может протекать эксплицитно (в большей степени) или имплицитно. Характер реакции зависит от возможности ответить на этот внешний раздражитель. Если выразитель эмоции властен над объектом или находится «выше» или способен дать отпор / наказать, то его эмоция эксплицитна, выражена лексически, а если наоборот, то имплицитна.

(3) Рогов 1999, 72. Цит. по: [4, С. 58].

Заключение

Лексико-фразеологическое своеобразие выражения негативной эмоции, гнева как наиболее яркого представителя этой эмоции в бурятском языке реализуется богатым арсеналом лексических средств и не менее богатой номенклатурой фразеологизмов. В данной работе мы рассмотрели фразеологизмы, которые описывают проявление гнева через взрыв, направленный во вне или во внутрь (эксплозия и имплозия). В результате выявлено, что для выражения гнева, направленного наружу существует больше фразеологических единиц, чем имплозивных. Образ заложенный в мотивацию выражения этой эмоции связан со взрывом, разрушением через разрыв, разлом, т.е. эмоция, не находя нормального выхода, высвобождается путем разрушения некоей оболочки, в качестве которой можно рассматривать спокойное состояние человека. Собственно эмоция гнева, ее выражение именно такими способами определяют форму, вызванную образом, заложенной в ней.

Финансирование

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Funding

The paper was carried out within the framework of a state assignment (project "Man's World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth", № 121031000258-9).

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. — Свердловск : Из-во Урал. ун-та, 1989. — 184 с.
2. Шагдаров Л. Д. Бурятско-русский словарь / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. — Улан-Удэ : ОАО «Республиканская типография», 2006. — Т. 1.

3. Шагдаров Л. Д. Бурятско-русский словарь / Л. Д. Шагдаров, К. Л. Черемисов. — Улан-Удэ : ОАО «Республиканская типография», 2008. — Т. 2.
4. Волкова Н. Н. Русская эмотивная фразеология в языке и тексте / Н. Н. Волкова. — Воронеж : Лаборатория оперативной полиграфии ВГУ, 2005. — 20 с.
5. Волкова Н. Н. Русская эмотивная фразеология в языке и тексте : дис. ...канд. : 10.02.01 : защищена 2005-12-01 : утв. 2024-04-17 / Н. Н. Волкова. — Воронеж, 2024. — 221 с.
6. Ковалевская Л. А. Внутренняя форма как источник семантической мотивации и культурной коннотации фразеологизмов русского языка : дис. ...канд. : 10.02.01 : защищена 2010-04-29 : утв. 2024-04-17 / Л. А. Ковалевская. — Великий Новгород, 2024. — 232 с.
7. Ульянова М. А. Категория эмотивности как лингвистическое понятие и основные подходы к ее изучению / М. А. Ульянова // Актуальные вопросы современной науки. — 2011. — № 18. — С. 237–248.
8. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. — Воронеж : Издательство ВГУ, 1987. — 192 с.
9. Шаховский В. И. Обоснование лингвистической теории эмоций / В. И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. — 2019. — № 1(39). — С. 22–37.
10. Хабибуллина А. Э. Фразеологические единицы, выражающие эмоциональное состояние человека в русском, английском и татарском языках / А. Э. Хабибуллина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2016. — № 3(107). — С. 152–158.
11. Электронный корпус бурятского языка. — URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/index.php?interface_language=ru (дата обращения: 12.03.2024).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Babenko L. G. Leksicheskie sredstva oboznachenija emotsij v russkom jazyke [Lexical means of denoting emotions in Russian] / L. G. Babenko. — Sverdlovsk : Iz-vo Ural. un-ta, 1989. — 184 p. [in Russian]
2. Shagdarov L. D. Burjatsko-russkij slovar' [Buryat-Russian dictionary] / L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov. — Ulan-Ude : ОАО «Respublikanskaja tipografija», 2006. — Vol. 1. [in Russian]
3. Shagdarov L. D. Burjatsko-russkij slovar' [Buryat-Russian dictionary] / L. D. Shagdarov, K. L. Cheremisov. — Ulan-Ude : ОАО «Respublikanskaja tipografija», 2008. — Vol. 2. [in Russian]
4. Volkova N. N. Russkaja emotivnaja frazeologija v jazyke i tekste [Russian emotive phraseology in language and text] / N. N. Volkova. — Voronezh : Laboratorija operativnoj poligrafii VGU, 2005. — 20 p. [in Russian]
5. Volkova N. N. Russkaja emotivnaja frazeologija v jazyke i tekste [Russian emotive phraseology in language and text] : dis....of PhD in Social and Human Sciences : 10.02.01 : defense of the thesis 2005-12-01 : approved 2024-04-17 / N. N. Volkova. — Voronezh, 2024. — 221 p. [in Russian]
6. Kovalevskaja L. A. Vnutrennjaja forma kak istochnik semanticheskoi motivatsii i kul'turnoj konnotatsii frazeologizmov russkogo jazyka [Internal form as a source of semantic motivation and cultural connotation of phraseological units of the Russian language] : dis....of PhD in Social and Human Sciences : 10.02.01 : defense of the thesis 2010-04-29 : approved 2024-04-17 / L. A. Kovalevskaja. — Velikij Novgorod, 2024. — 232 p. [in Russian]
7. Ul'janova M. A. Kategorija emotivnosti kak lingvisticheskoe ponjatie i osnovnye podhody k ee izucheniju [The category of emotivity as a linguistic concept and the main approaches to its study] / M. A. Ul'janova // Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki [Current Issues of Modern Science]. — 2011. — № 18. — P. 237–248. [in Russian]
8. Shahovskij V. I. Kategorizatsija emotsij v leksiko-semanticheskoi sisteme jazyka [Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language] / V. I. Shahovskij. — Voronezh : Izdatel'stvo VGU, 1987. — 192 p. [in Russian]
9. Shahovskij V. I. Obosnovanie lingvisticheskoi teorii emotsij [Justification of the linguistic theory of emotions] / V. I. Shahovskij // Voprosy psiholingvistiki [Questions of Psycholinguistics]. — 2019. — № 1(39). — P. 22–37. [in Russian]
10. Habibullina A. E. Frazeologicheskie edinitsy, vyrazhajuschie emotsional'noe sostojanie cheloveka v russkom, anglijskom i tatarskom jazykah [Phraseological units expressing the emotional state of a person in Russian, English and Tatar languages] / A. E. Habibullina // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [News of Volgograd State Pedagogical University]. — 2016. — № 3(107). — P. 152–158. [in Russian]
11. Jelektronnyj korpus burjatskogo jazyka [The electronic corpus of the Buryat language]. — URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/index.php?interface_language=ru (accessed: 12.03.2024) [in Russian]